

Бай Хэн вздрогнул и покрылся холодным потом. В голове тут же пронеслись самые мрачные мысли: неужели переговоры провалились и он получил отказ прямо сейчас? Или, возможно, незаконнорожденные дети семьи Бо устроили скандал, вызвав обвальное падение акций корпорации? А может, конкуренты начали злонамеренную атаку, корпорация Бо не справляется, оборвалась финансовая цепочка и компания полностью обанкротилась...

Он перебрал в голове все худшие варианты, нервно сглотнул и с тревогой посмотрел на Бо Юя.

Ведь каждый раз, когда Бо Юй принимал такое выражение лица, это означало что-то чрезвычайно важное и срочное.

И тут Бо Юй, не моргнув глазом, указал на свадебную фотографию в центре экрана, произнес с неопределённой интонацией:

— Красиво?

Бай Хэн на мгновение завис, в голове медленно возник знак вопроса...

Бай Хэн: ?

Ты так нервничал, чтобы спросить меня об этом???

Но, сохраняя профессиональные качества хорошего секретаря, Бай Хэн, сдерживая раздражение, похвалил:

— Это ваша свадебная фотография с господином Гу, правда? Вы так прекрасно смотрите вместе.

Бо Юй забрал телефон, серьёзно поправив его:

— С моей супругой.

Они прибыли в Лос-Анджелес через двенадцать часов, в семь вечера по пекинскому времени.

Но в Лос-Анджелесе был ранний рассвет.

Небо в четыре утра не было густо-чёрным, как обычно. Город был пугающе тих, на небе, кроме слабого лунного света, не было видно ни одной звезды.

Выйдя из аэропорта, вдали на горизонте появился слабый белый свет, едва заметный, но игнорировать его было невозможно.

Бо Юй поднял взгляд, наблюдая, как белизна на горизонте медленно растёт, свет снега разъедает тёмную ночь, пока, наконец, не разрывает её, превращаясь в рассвет.

Телефон переключился из авиарежима в обычный, сигнал постепенно восстановился.

Сообщения, отправленные более восьми часов назад, наконец появились на экране телефона Бо Юя.

В диалоговом окне почти не было текстовых сообщений, только бесконечные записи звонков, среди белых строк появилась золотая подсветка.

[Жена]: Бо Юй.

Это было сообщение от Гу Цичи.

Бо Юй заметил, что Гу Цичи очень любит называть его по имени, в любой момент.

В ту секунду, когда он принимал звонок, когда его охватывала сонливость и он вот-вот погрузился в сон, когда его целовали до одышки, когда он терял сознание от страсти...

Он всегда звал его по имени, словно пытался что-то подтвердить.

Бо Юй чувствовал, что Гу Цичи стремится подтвердить «реальность».

Он был словно утопающий, попавший в бесконечную иллюзию, где всё вокруг казалось абсурдным и пустым. Он был крайне неуверен в себе, поэтому каждую ночь просыпался в тревоге, ища соломинку, которая могла бы вытащить его на поверхность.

Каждую ночь он звал имя Бо Юя.

Иногда сознательно, иногда в полусне.

Бо Юй всегда отвечал ему в первую же секунду, и Гу Цичи, получив ответ, успокаивался и снова засыпал.

Бо Юй был той соломинкой, за которую цеплялся Гу Цичи.

Бо Юй был его реальностью.

Золотой свет полностью разлился, пронзая толстые слои облаков. Восходящее солнце залило горизонт, окрашивая серо-голубой туман, облака, обёрнутые оранжево-красным сиянием, поднимались над горизонтом, создавая ослепительный круг света, прекрасный, как яркая картина маслом.

Это был первый раз, когда Бо Юй видел восход солнца. Трудно описать, что он чувствовал в тот момент, когда этот вид запечатлелся в его глазах, но он невольно вспомнил о Гу Цичи.

Его холодная кожа, две слегка опущенные брови, но глаза были невероятно красивы, словно пышные пионы, расцветающие с невероятной силой.

Бо Юй был человеком с низким желанием делиться, даже с уважаемой матерью он обычно молчал. Госпожа Бо часто бросала на него взгляд, затем с раздражением говорила ему убираться, чтобы не портить ей настроение.

Раньше Бо Юй считал, что общение — это совершенно бессмысленное занятие, не говоря уже о том, чтобы делиться чем-то с другими. Лучше потратить это время на подготовку ещё одного плана, чтобы корпорация Бо могла прорваться вперёд и развиваться быстрее и лучше.

Но сейчас он, кажется, понял смысл обмена.

В тот момент, когда солнечный свет залил горизонт, он взял телефон, навёл камеру и запечатлел этот момент, отправив его Гу Цичи, находившемуся на другом конце океана.

Словно так он мог передать свои чувства.

Бай Хэн молча следовал за Бо Юем, украдкой взглянув на его телефон. Увидев мелькнувшее слово «жена», он хотел посмотреть ещё раз, но Бо Юй обернулся.

Бо Юй опустил взгляд, его глаза были скрыты, и трудно было разглядеть их выражение. Тон его голоса был неопределённым:

— Есть ли предполагаемое время для этих переговоров? Сколько дней минимум потребуется?

Бай Хэн подавил любопытство, приняв серьёзный вид, и ответил деловым тоном:

— Если всё пойдёт хорошо у мистера Питера, то предполагается пять дней. Если нет...

Он украдкой взглянул на выражение лица Бо Юя, сглотнув, продолжил:

— Тогда придётся срочно перейти к плану Б, но это время будет зависеть от конкретной реализации...

Аэропорт был заполнен людьми, шум и гам не прекращались. Бесчисленные потоки людей выходили из выхода, направляясь в разные стороны, к разным местам.

Свет и тень играли на лице Бо Юя, его профиль был выразительным, черты лица идеальными, без единого изъяна. Одна половина его лица была скрыта в тени, другая — освещена светом.

В шумном зале аэропорта Бай Хэн слышал, как он сказал:

— Нужно добиться успеха с первого раза, чтобы мы могли вернуться пораньше.

В семь вечера Гу Цичи ещё не закончил съёмки. Сегодня снимали ключевую сцену сериала «Счастливая лазурь», где Ши Тяньлинь был обвинён Шэнь Цинъе в измене и сослан на западную границу.

Под холодными и пустынными высокими стенами Гу Цичи сидел на паланкине, который несли восемь человек. Его правая рука была расслабленно положена на подлокотник, указательный и средний пальцы согнуты, подпирая подбородок.

Камера была направлена на него, но позиция была немного смещена. Линь Шуанъи, настроив свет, вылез из-за камеры, взял мегафон и начал руководить расстановкой на площадке.

Ассистент Сун Чжианя был возмущён, спрятавшись в углу, он с негодованием жаловался своему боссу:

— Сун-гэ, ведь ты главный герой, почему Линь Шуанъи уделяет всё внимание этому второстепенному персонажу!

Увидев, как Линь Шуанъи лично поправляет позу Гу Цичи, ассистент начал тяжело дышать:

— Он уже добавил столько сцен, что из третьестепенного персонажа он превратился в главного героя. Не зря все говорят, что у него есть покровитель...

Сун Чжиань резко остановился, поправляя костюм, его улыбка застыла, глаза стали мрачными, и он спросил у своего ассистента хриплым голосом:

— Ты что сказал?

— У Гу Цичи есть покровитель?

Он произнёс это слово за словом, вокруг никого не было, массовка находилась в центре стены.

Выражение лица Сун Чжианя было пугающим, отчего ассистент дрогнул.

Ассистент дрожащим голосом ответил:

— Да.

В это время Линь Шуанъи уже закончил корректировку позиции Гу Цичи и его группы. Камера переместилась, Линь Шуанъи был доволен, затем крикнул Сун Чжианю:

— Главный герой, на площадку!

Сун Чжиань скрыл свои эмоции, вернувшись к образу спокойного и светлого человека, и вышел на площадку.

Его позиция была заранее оговорена Линь Шуанъи, поэтому нечего было обсуждать. Линь Шуанъи взглянул на камеру, перелистал сценарий, затем удовлетворённо кивнул и крикнул в сторону:

— Группа реквизита! Дождь!

Дождь шёл не сильно, небо было туманным, под стенами, в поле зрения камеры, медленно появилась группа людей.

Шэнь Цинъе сидел на паланкине, подпирая голову рукой, словно дремал. Над ним был закреплён бумажный зонт, на который падали капли воды, создавая шум, нарушающий покой.

Бумажный зонт медленно поднялся, группа реквизита подняла световую панель, освещая Гу Цичи ярким светом.

Под ярким и ослепительным светом кожа Гу Цичи была белее снега, его красный халат, пропитанный дождём, приобрёл тёмно-красный оттенок. Волосы не были собраны в пучок, а свободно свисали, закреплённые лентой.

Паланкин медленно двигался, носильщики в бумажных плащах шлёпали по лужам в чёрных сапогах, в тишине столкнувшись с группой, ведущей Ши Тяньлиня.

<http://bllate.org/book/17675/1647605>